

Чжоу Цзихэн был ошеломлён, когда услышал слова Ся Сицина. Хотя он всё ещё молчал, его учащенное сердцебиение никого не могло обмануть.

Его глаза слегка сузились, и он увидел, что Ся Сицин, сидящий перед ним, всё ещё смотрит на него так прямо. После некоторого замешательства он снова спросил:

— Твой рот запечатан? Всё в порядке, просто помоги мне снять этот кусок ткани.

Тон Ся Сицина был настолько твёрдым, что отказаться было почти невозможно, Чжоу Цзихэн повернул голову и некоторое время молча размышлял.

Честно говоря, он вообще не хотел заботиться об этом человеке.

Но... всё это время было так напряжённо, что ни один из них не может выбраться, не говоря уже о том, что это программа для записи, и это не должно было затруднять работу программной команды.

После борьбы Чжоу Цзихэн был беспомощен и мог только отказаться от просмотра шоу.

Он упёрся ногами в пол и изо всех сил развернул офисное вращающееся кресло, на котором сидел, лицом к длинному столу. Рядом стояла белая фарфоровая ваза с букетом белых хризантем. Чжоу Цзихэн с трудом вытянул свою связанную руку, пытаясь дотянуться до вазы. Наконец, он взял вазу пальцами и с грохотом решительно разбил её вдребезги о стол.

Чжоу Цзихэн поднял ногу, наступил подошвами ботинок на край стола, сильно пнул и вместе со стулом подкатился к Ся Сицину.

— Я могу снять тебе повязку на глазах, в обмен ты должен развязать верёвку для меня.

Как это можно было расценивать как настоящую привязанность к нему в течение нескольких лет, Ся Сицин услышал голос Чжоу Цзихэна в одно мгновение, который полностью соответствовал его предыдущим ожиданиям. Он улыбнулся:

— Без проблем.

Как только голос стих, Чжоу Цзихэн вытянул две свои связанные руки за головой, снял ткань, которая закрывала обзор Сицину, отбросив её в сторону.

Поле зрения прояснилось от кратковременного размытия, и Ся Сицин, повернув лицо, обнаружил, что они вдвоём были так близко, что он почти чувствовал лёгкий запах лосьёна бритья Чжоу Цзихэна.

Ся Сицин прищурил свои яркие глаза, и выражение его лица сменилось с неведения на удивление: текучие облака и вода без изъянов.

— Итак, я в ловушке с тобой. – Ся Сицин мило улыбнулся, его глаза загорелись, а родинка на кончике носа придала ему ещё более невинный вид. — Такое чувство, что я сплю. У меня сейчас немного кружится голова.

Это настолько претенциозно, что даже такой профессиональный актёр, как он, должен восхищаться этим. Чжоу Цзихэн не мог понять, почему такая улыбка могла быть нанесена этому человеку без чувства нарушения. Если бы он не увидел его истинное лицо, боюсь, мало кто не был бы им обманут.

Эта секретная комната полна камер, и все углы можно чётко сфотографировать. Не желая, чтобы его обвинили в холодности по отношению к фанатам, Чжоу Цзихэну пришлось ответить улыбкой, которая казалась достаточно тёплой, и даже его голос смягчился:

— Мои глаза тоже были закрыты повязкой. Я был удивлен, когда снял её.

Его самоуважение как актёра и совет Цзян Инь заставили Чжоу Цзихэна только терпеливо обращаться с ним, хотя на самом деле ему не очень нравились такие люди. Он протянул Ся Сицину острый осколок фарфора, который держал в руке:

— Я тебя беспокою.

— Не беспокойся, ты мне понравился с самого начала, и я смотрел каждую твою фильм. – Ся Сицин неловко поднял осколок фарфора своими скованными руками и наклонился, чтобы заточить верёвку для Чжоу Цзихэна.

Чжоу Цзихэн бесстрастно улыбнулся:

— Спасибо.

Два человека, которые хорошо умеют маскироваться, они приходят и уходят с фальшивыми эмоциями.

— Верёвку нелегко перерезать, – медленно произнёс Ся Сицин, занимаясь своими руками.

— О, ты собираешься только сейчас озвучить правила? Я всё ещё немного сбит с толку.

Чжоу Цзихэн только что оторвался от своих воспоминаний. Он не слышал, что сказал Ся Сицин. Чтобы облегчить своё смущение, он должен был сказать что-то ещё:

— Кстати, как ты только что узнал, что кто-то развяжет тебе повязку на глазах?

Ся Сицин догадался, что он спросит об этом. Сейчас их здесь только двое, и Чжоу Цзихэн полностью понимает, кто он такой. Если он не будет честен, он потеряет ещё больше доверия и создаст проблемы в последующих играх.

Лучше быть открытым и честным.

Руки, используемые для рисования, с силой перерезали верёвку одну за другой, глаза Ся Сицина пристально смотрели на постепенно от соединяющуюся верёвку, он мягко объяснил:

— Хотя я впервые участвую в шоу, я играл в побег из комнаты со своими друзьями, что тоже является небольшим опытом. Когда вы приходите в такое место, как это, у вас не может быть слишком большого чувства подмены. Постоянно думайте о проблемах с точки зрения этих планировщиков.

Он перерезал одну и вытащил отсоединённую верёвку рукой:

— Они заперли меня здесь в надежде, что я смогу сбежать, на самом деле не пытаюсь заманить меня сюда на целое шоу. Если бы я был один в этой комнате, мои руки и ноги были бы в ловушке, и я даже не мог видеть. Возможность сбежать самому была почти нулевой. Так долго было только две ситуации. Во-первых, дожидаться, пока другие выйдут из своей комнаты и придут ко мне. Спасти меня или убить. Во-вторых, в этой комнате есть ещё один человек, и мы должны помогать друг другу с точки зрения наглядности шоу...

Говоря об этом, Ся Сицин слегка поднял голову и встретился взглядом с Чжоу Цзихэном.

Он ничего не сказал, просто молча смотрел на него в течение трёх секунд.

Затем внезапно приподнял уголок рта.

На мгновение у Чжоу Цзихэна возникла странная иллюзия, как будто он мог услышать то, что не закончил.

Очевидно, они знали друг друга всего несколько дней, и не было никакого молчаливого понимания этих двух слов, но по этому выражению его глаз он полностью понял намёк Ся Сицина.

[С точки зрения наглядности шоу, только когда я с тобой, у тебя будет самая высокая степень освещённости темы.]

— Я просто хотел попробовать вторую возможность, но я не ожидал, что мне так повезёт и я

выиграю всё это сразу.

Снова солги.

Не знаю, когда, но Ся Сицин уже развязал руки Чжоу Цзихэну.

— Готово.

— Благодарю. - Чжоу Цзихэн всё ещё был в оцепенении. Он думал, что он умный человек, но его крайне неудачное первое впечатление заставило его перестать судить о человеке, стоящем перед ним. Если он хочет выиграть эту игру, он должен отбросить предубеждения.

Когда он отреагировал, Чжоу Цзихэн обнаружил, что Ся Сицин на самом деле наклонился и использовал свои скованные наручниками руки, чтобы развязать верёвку на его лодыжках для него.

Теперь его руки свободны, и он может развязать узел самостоятельно. Ему не нужен насильственный метод отпираания разбитых фарфоровых осколков, и ему не нужна помощь других.

— Я сделаю это сам...

Прежде чем он закончил говорить, он увидел, что Ся Сицин, который всё ещё был согнут, поднял голову. В его глазах было некоторое сомнение. Его слегка покрасневшие губы держали осколок фарфора, который он только что перерезал веревку, а большой вырез белой рубашки открывал его приподнятую ключицу.

Глаза, которые вырвались из-под чёрной ткани, чуть более длинные волосы, которые были собраны в пучок, угол наклона, поза, близкая к коленям Чжоу Цзихэна.

Наручники, родинки на кончике носа, острые осколки, красивые, но тонкие линии губ, слегка прикусывающие кончики фарфора зубами.

Странная атмосфера подчёркивает эти разбитые элементы в странной картине, очень странной, и случайно натёртой немного неоднозначной краской.

Чжоу Цзихэн не понимал, почему он вдруг почувствовал смущение. Такого чувства он никогда раньше не испытывал. Он поспешно наклонился и протянул руку, чтобы развязать ногу.

Люди всегда подсознательно боятся неизвестного.

Ся Сицину тоже было всё равно, но он снял фарфоровый осколок, который держал пальцами, и протянул его Чжоу Цзихэну:

— Кажется, это несколько тупиковая ситуация. Попробуй это? – Но собеседник только покачал головой и с трудом развязал узел.

Видя, что он неблагодарен, Ся Сицин пришлось выпрямиться и аккуратно отбросить разбитый фарфор в угол комнаты, как дротик.

Чжоу Цзихэн, которому развязали руки и ноги, вернул себе элементарную свободу. По крайней мере, он покинул это чёртово вращающееся кресло. Только что увиденная сцена доставила ему дискомфорт. Он не мог чувствовать себя комфортно. Ему пришлось отнести это чувство к последствиям того, что его связали. Он повернул шею и его кулаки застучали. Так что он может немного расслабиться. Но руки Ся Сицина всё ещё были скованы наручниками, и не было никакой возможности развязать кандалы на его ногах его собственными силами.

Жаль, что он обменялся только условием снятия чёрной ткани. Теперь Чжоу Цзихэн доброжелателен и праведен, и он может полностью позволить ему стать жертвой игры здесь, не говоря уже о том, что он всё ещё так сильно ненавидит его.

Ся Сицин в глубине души думал о контрмерах. Он записывал шоу. Само собой разумеется, что практика прямого отказа от своих спутников слишком мрачна. Обычные знаменитости не выберут такое поведение, но в этом шоу есть особенность психологической войны. Персонаж скрытого убийцы вызовет естественное взаимное подозрение между людьми. Его вообще нельзя назвать компаньоном.

Так что даже если Чжоу Цзихэн оставит его здесь в этот момент, это было бы абсолютно логично.

На самом деле, Чжоу Цзихэн тоже так думал. Честно говоря, этика не позволяла ему бросить такого человека, даже если это была всего лишь игра, имитирующая выживание. Но ему действительно не нравится Ся Сицин, он – большая проблема, бомба замедленного действия. Если ты спасёшь его сейчас, возможно, в какой-то момент он предаст себя.

Улыбаться, как ангел, и толкать его в пропасть, это Ся Сицин.

В течение короткого мгновения они оба боролись и взвешивали.

— Хотя вы мой фанат, это входит в игру. Я не уверен, что команда программы предпримет какие-то уловки, чтобы снизить мою бдительность. – Как и думал Ся Сицин, Чжоу Цзихэн нашёл для себя наименее вероятного критика со стороны аудитории после того, как бросит его, но даже если аудитория действительно недовольна этим, это не имеет значения, потому что он действительно не хочет быть связанным с Ся Сицином, — Если ты убийца, тогда я помогаю тигру.

Что, если это так? Ся Сицин изначально хотел спросить его таким образом, но он отказался от этого прежде, чем заговорил, потому что такие слова были слишком прямыми и противоречили его собственной безобидной персоне.

На самом деле нет никакого способа.

Подготовившись морально, Чжоу Цзихэн великодушно развернулся, но в тот момент, когда он наступил себе на ногу, его икра зацепилась за ступню.

— Не уходи.

Повернув голову, Ся Сицин, сидевший в кресле, посмотрел ему в глаза. Чжоу Цзихэн чувствовал себя очень странно. Они, очевидно, принадлежали такому хитрому телу. Почему эти глаза всегда могли выглядеть самыми простыми и невыносимыми.

— Цзихэн, заключи со мной союз, и я помогу тебе безоговорочно победить. - Ся Сицин рассмеялся, выражение его лица было таким уверенным, что он был похож не на человека, просящего о помощи, а скорее на переговорщика с лучшими козырями.

— Неужели? Но в такого рода игре... - Чжоу Цзихэн поднял на него брови. — Закон победы заключается в том, чтобы никому не доверять.

— Довольно умно, - засмеялся Ся Сицин.

— Я не заставлял тебя верить мне. - В его чёрных, как бездна, зрачках был сладкий и соблазнительный огонёк. — Я позволю тебе использовать меня.

<http://bllate.org/book/14508/1284151>